

МЕНДЕЛЕЕВЦ

№ 12 (1855)

Среда,

11 апреля

1990 г.

Издается с 1929 г.

Цена 2 коп.

ОРГАН ПАРТКОМА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, ПРОФКОМА И РЕКТОРАТА МОСКОВСКОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА им. Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ПРОТИВ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ ЗИФОРИИ

Ученый совет института принял решение о создании кафедры гуманитарных знаний. Наш корреспондент Анна Закатова побеседовала с избранным на должность зав. кафедрой Е. Г. МЕРМЕЛЬШТЕЙНОМ.

— Евгений Гаврилович, как вы считаете, в чем причины особого внимания к вопросам гуманитаризации технического образования?

— Уверен, это не случайно. Успехи НТР породили своеобразную технократическую эйфорию, способствовали укреплению мысли о том, что гуманитарные науки просто не нужны. Сегодня, к счастью, ситуация изменилась. Большинство людей, причастных к подготовке специалистов, верно полагают, что гуманитаризация образования в техническом вузе — это не просто ведение времени, а суровая необходимость, ибо именно она, в конечном итоге, дает возможность преодолеть технократическое и узкопрофессиональное мышление, воспитывает духовно богатую личность, формирует подлинного интеллигента, закладывает тот потенциал, который необходим для развития творческих способностей личности.

Исторический опыт показывает, что потребность в гуманитарном знании возникает всякий раз тогда, когда человек сталкивается с творческой, проблемной задачей. Я полностью согласен с теми, кто полагает, что гуманитарная культура должна проникнуть в само содержание технических и естественных наук. В этом я вижу специфику организации работы в МХТИ.

— Сейчас идут поиски новой модели гуманитарного обучения в вузах. Что взяли вы за основу?

— К сожалению, для технических вузов такой модели еще нет. Идут поиски. Повторять западную модель не имеет смысла, у нас просто нет условий для этого. Но определенный, пусть и небольшой опыт ленинградских и московских институтов нами использован. Что касается нас, то мы думаем о создании системной, последовательной подготовки, которая была бы основой высокого культурного потенциала специалиста, поэтому и научная, и методическая работа кафедры будут подчинены одной проблеме: вопросам гуманитарной подготовки в техническом вузе.

— Расскажите, пожалуйста, о том, как вы планируете свою работу.

— Сейчас мы провели небольшое анкетирование и собираемся предоставить возможность второкурсникам, обучающимся по новому учебному плану, право выбора спецкурса из имеющихся 16 по пяти направлениям, причем каждый должен будет в процессе обучения прослушать 4 таких курса. Думаю, что итоговый рейтинг будет выставляться на основе собеседования в ходе индивидуальной работы.

— Как же студенту во всех этих направлениях разобраться?

— Через несколько недель в каждую группу поступит «Учебный бюллетень МХТИ», в ко-

тором будут перечислены названия курсов и дана к ним краткая аннотация. После некоторых раздумий студент должен будет определиться и указать, какой из спецкурсов он решил прослушать.

— Эти курсы только для студентов?

— Нам бы хотелось, чтобы они привлекли внимание и сотрудников, и преподавателей, тем более, что занятия будут проходить не только в форме лекций, но будут и семинары, и круглые столы с привлечением интересных людей, крупных специалистов (искусствоведов, журналистов, театральных деятелей и т. д.).

— Все ли, что делается, вас удовлетворяет?

— Организация гуманитарного образования у нас происходит за счет сокращения часов на преподавание общественных наук. Я с этим подходом не согласен. Как раз сегодня следует усилить значимость общественных наук, углубить их содержание, форму преподавания. Поэтому говоря о гуманитаризации, мне бы хотелось, чтобы она шла не за счет общественных наук, а в дополнительные часы. Кроме того, мы могли бы включить в список еще большее количество дисциплин, но столкнулись с проблемой аудиторного фонда и решили пока ограничиться немногим, но включить эти курсы в учебное расписание. Также большое внимание мы собираемся уделить организации социологической службы, для

того, чтобы оперативно реагировать на запросы студентов. Огорчает, что по-прежнему не ходят люди, которые все еще продолжают сетовать по поводу возвращения нам законного места в учебном процессе.

— У вас есть заветная мечта?

ПРЕДМЕТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА

(Вводятся с 1 сентября 1990 года на 2 курсе).

I. Общественно-политические науки.

1. Внешняя политика СССР периода перестройки.

Сухарьков И. А., Кочетов Б. Я., Калмыкова А. И.

2. Политология: теория и практика.

Козырев Г. И., Кочетов Б. Я.

3. Переход от тоталитаризма к демократии в контексте нрав человека.

Шматко Л. Г.

4. История западной и русской философии.

Клишина С. А., Павлова Л. В.

5. Проблемы современной буржуазной философии.

Метлов В. И.

II. Наука — технология — человек — общество.

6. О хлебе насущном — хлебе духовном.

Мермельштейн Е. Г., Алейник Р. М., Кожемяко А. В.

7. Парадоксы развития химии.

Мартirosян А. А.

8. Основы информатики отраслевой библиографии патентного дела.

Мещерякова Т. В.

— Сегодня она сводится, пожалуй, к тому, чтобы абитуриент, выбирая вуз, говорил: «Я пойду в МХТИ не только потому, что там отлично учат химию, но и потому, что там дают хорошее гуманитарное образование». А пока разрешите представить эти курсы и преподавателей, которые их подготовили.

9. Искусство общения людей между собой: как приобрести хороших друзей. (Теория Д. Карнеги и современность.)

Сухарьков И. А., Лернер М. З., Мермельштейн Е. Г.

III. История.

10. Российская интеллигенция: история и судьба.

Медведева Н. Ф.

11. Царская династия Романовых в истории России: мифы и реальность.

Андрухов Н. Р.

12. История православия и атеизма в России.

Никитина Ф. Г., Алейник Р. М., Захарова Н. А., Щипкова А. В.

13. Ремесло познания истории или процесс исторического исследования.

Дейнека П. Б.

14. История МХТИ им. Д. И. Менделеева.

Аралов С. С.

15. Неизвестные страницы истории второй мировой войны.

Шабалин Е. М.

IV. Литература.

15. Споры о Времени и Человеке в современной литературе.

Кульгавчук М. В.

V. Музыка.

16. Приглашение к музыке. Луценко В. А.

ВТОРОЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЫПУСК „МЕНДЕЛЕЕВЦА“

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

◆ КНИЖНАЯ ПОЛКА

Новатор, всегда искавший непроторенные пути в науке, он вызывал восхищение одних и непонимание других... Сказанное относится к Петру Леонидовичу КАПИЦЕ, чье творческое наследие продолжает оставаться актуальным.

На стр. 2.

◆ НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В первом гуманитарном выпуске читатели «Менделеевца» имели возможность первыми познакомиться с мемуарами Надежды Адольфовны Иоффе — дочери одного из лидеров российской социал-демократии. Продолжаем публикацию ее воспоминаний.

Наши постоянные читатели без сомнения с интересом ждут недавно анонсированную публикацию дневников 1917 — 1918 гг. русского ученого-химика Егора Ивановича ОРЛОВА, чья научная и преподавательская деятельность тесно связаны с менделеевским институтом.

Правнук Егора Ивановича физик А. В. БЯЛКО предоставил «Менделеевцу» право публикации дневниковых записей выдающегося ученого и мыслителя.

На стр. 3

◆ «МЕНДЕЛЕЕВЦ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Среди менделеевцев немало фанатиков разнообразных увлечений. У них, в свою очередь, существует круг общения, небыстрый для окружающих. А не затеять ли нам нечто подобное клубу знакомств?

Первую такую попытку делает ассистент кафедры процессов и аппаратов А. Э. ГРЕФ.

На стр. 4.

◆ МУЗЫ НА МИУССКОЙ

В клубе любителей музыки «Орфей» проводится цикл концертов «Шедевры музыкальной классики в МХТИ». Вы об этом ничего не знаете или слышали краем уха? Достоинно сожаления. Такой же вывод сделал для себя первокурсник ТНВ факультета Игорь ВОЛОВИК, побывавший на последнем концерте.

На стр. 4.

Этот поезд в огне,
И нам не на что больше жать.
Этот поезд в огне,
И нам некуда больше бежать.
Эта земля была нашей,
Пока мы не увязли в борьбе.
Она умрет,
если
будет
ничьей,
Пора вернуть
эту
землю
себе.

БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ.

С ТРЕВОГОЙ И НАДЕЖДОЙ

28 съезд КПСС откроется 2 июля 1990 года. Районная партконференция — 19 мая (1 этап).

Пленум Свердловского РК КПСС 27 марта с. г. обсудил вопросы, связанные с подготовкой к 28 съезду КПСС.

1) Определены принципы проведения 32-й районной конференции:

1 этап — 19 мая 1990 года — обсуждение предсъездовских материалов и позиция коммунистов района.

2 этап — осень 1990 года — отчеты и выборы в районной партийной организации. В связи с этим партком института решил провести отчетно-выборное собрание коммунистов института, как обычно, осенью (октябрь—ноябрь).

2) Определен порядок избрания делегатов на 28 съезд КПСС и 28 городскую партийную конференцию в Свердловской районной партийной организации.

Основные принципы выборов делегатов таковы:

Делегаты 28 съезда КПСС и 28 городской партийной конференции выбираются из альтернативных кандидатур на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования всех коммунистов районной парторганизации по партийным округам. Партийные округа формируются в соответствии с нормами представительства на съезде КПСС (1 от 4000) и городской партконференции (1 от 1000);

Все без исключения кандидаты в делегаты 28 съезда КПСС и городской партконференции, в том числе члены руководящих выборных органов партии, выдвигаются на партийных собраниях в первичных партийных организациях района;

Кандидатов может выдвинуть или вправе выдвинуть себя любой коммунист районной партийной организации. Выдвижение кандидатов проводится в тот избирательный округ, на территории которого работает данная партийная организация.

Организация МХТИ вошла в состав 3-го избирательного округа. Географически это территория РЭУ-3 и РЭУ-6 Свердловского района. (Для наглядности — границы округа: север (Бутырский вал), юг (Садовое кольцо), запад (граница с Фрунзенским районом), восток (Калаяевская, Новослободская ул.).

На территории округа работает 21 первичная организация. Среди них — завод «Трансмаш», НИТИОП, Мосстроймеханизация-1, НИИ двигателей, издательства: ИПЛ, ФиС, Стройиздат, троллейбусный парк им. Щепетильникова, студия Союзмультфильм и др.

Ориентировочный срок выборов — 25—26 апреля. Дата собрания (также ориентировочная, может быть приближена) в нашей организации — 17 апреля 1990 года. Наши представители: в районной избирательной комиссии — Беляков А. В., в окружной — Юртов Е. В.

На оперативных совещаниях в парткоме вопрос о выдвижении кандидатов в делегаты съезда проговаривался, начиная с конца января. Но как обычно, мы умеем загонять себя в угол при решении любого вопроса, а здесь решение простое и единственное: будет выставлен кандидат от нашей партийной организации или нет.

Обсуждение предсъездовских документов — проекта платформы ЦК КПСС, демократической платформы, проектов Устава проводится в цеховых (факультетских) организациях.

Все мы, коммунисты и беспартийные, с тревогой и надеждой ждем 2 июля 1990 года, ждем решения партийного съезда. Будут ли его решения плодотворны, его выбор — демократичен, зависит от нас, коммунистов-менделеевцев.

А. ЖУКОВ.

П. Л. КАПИЦА: Хороший вуз — это тот вуз, который дает возможность развиваться талантам преподавателей так же широко, как и талантам их учеников.

Судьба и мысли Петра Леонидовича Капицы — гражданина, ученого, инженера, педагога — всегда будут привлекать тех, кто посвятил себя науке, технике, служению Родине. Новатор, всегда искавший новые пути в науке, он вызывал восхищение одних и непонимание других. Уже четвертым изданием вышел сборник: П. Л. Капица. Эксперимент. Теория. Практика. — где собраны статьи и выступления выдающегося ученого. Здесь и научные статьи, и Нобелевская лекция, и доклады об организации науки и подготовки научных кадров, и некоторые из знаменитых «задач Капицы», которые он предлагал поступающим в аспирантуру.

П. Л. Капица был одним из инициаторов создания Московского физико-технического института и многие годы был председателем Координационного совета этого института.

Предлагаем читателям отрывок из выступления П. Л. Капицы на вечере выпускников МФТИ в 1964 году.

◆ КНИЖНАЯ ПОЛКА

ХОРОШИЙ ВУЗ — ЭТО...

...Самое, пожалуй, тяжелое то, что у нас недостаточно хорошо обеспечено преподавание основных дисциплин. В прежние времена чтение курсов основных предметов в высших учебных заведениях — общая физика, химия, математика, механика — возлагалось на самых крупных ученых и считалось исключительно почетным делом вести такие курсы. Теперь это изменилось, трудно сказать, почему.

Как поправить дело, как обеспечить, чтобы в вузе читали курс лучше профессора, лучшие преподаватели, лучшие ученые? Казалось бы, можно было бы использовать современную технику, скажем, сделать кинофильм, в котором лектор, самый крупный ученый в данной области (или даже группа ученых), будет рассказывать студентам физику, или химию, или математику.

Конечно это привлечет лучших профессоров к преподаванию студентам. Но посмотрим, что из этого получится на самом деле. Может быть, администрация института и будет приветствовать такое начинание — сократится число штатных единиц и не будет необходимости привлекать и подыскивать преподавательские кадры. С точки зрения министерства — те же самые удобства. Сделав один фильм, они смогут сократить свои штаты и снизить расходы по вузам. Некоторые студенты были бы рады, поскольку все-таки в темных киноаудиториях комфортнее спать, чем в светлых.

И все же такая система, конечно, нехороша. Вы представьте себе, что в институте вместо профессуры стоят одни киноаппараты и ходят только студенты и киномеханики. Это будет исключительно скучное и темное заведение, к которому вы не будете относиться как к своей альма матер. Не в этом, однако, дело. Говорят, студенты рано или поздно как-нибудь к этому приспособятся, как-нибудь это переживут. Го-

раздо хуже отнесутся к этому изменению сами преподаватели. Дело в том, что совершенно забывают о другой функции высшего учебного заведения — учить не только студентов, но учить и самих профессоров и преподавателей.

Хороший ученый, когда преподает, всегда учится сам. Вопросы, он проверяет свои знания, потому, что только ясно объяснив другому человеку, можешь быть уверен, что сам понимаешь вопрос.

Во-вторых, когда ищешь форму ясного описания того или иного вопроса, часто приходят новые идеи.

В-третьих, те, часто нелепые, вопросы, которые задают студенты после лекций, исключительно стимулируют мысль и заставляют к совершенно новой точке зрения взглянуть на то явление, к которому подходили всегда стандартно, и это тоже помогает творчески мыслить.

И наконец, студенты лучше знают, шире знают вопросы физики, чем преподаватель. Преподаватель, как специалист, подходит узко, у него нет широкого подхода. У студентов гораздо шире подход. И когда студент беседует с преподавателем, преподаватель очень много узнает от студента.

Вот почему молодым ученым необходимо заниматься преподавательской деятельностью. Хороший вуз — это тот вуз, который дает возможность развиваться талантам преподавателей так же широко, как и талантам их учеников.

Чтобы показать, что это не общие фразы, я вам приведу целый ряд примеров того, как преподавательская деятельность приводила к большим открытиям. Примеры эти настолько разительны, что они, мне кажется, вполне подтверждают эту идею.

Один из самых классических примеров хорошо известен — это Менделеев и его периодическая система. Менделеев искал, каким способом легче объяснить студентам свойства элементов, чтобы эти свойства могли восприниматься по определенной системе. Он распределял элементы по карточкам, складывал эти карточки в раз-

ном порядке и, наконец, нашел, что карточки, разложенные в виде периодической таблицы, представляют собой закономерную систему. Таким образом, периодическая система элементов в основе своей возникла из педагогической деятельности Менделеева как профессора Петербургского университета.

Второй случай, немного более ранний, относится к математике. В начале XIX века русское правительство решило, что все чиновники должны иметь среднее образование. Те чиновники, которые не имели аттестата зрелости, должны были его получить. Чтобы облегчить им это, были созданы курсы, которые готовили к экзаменам на аттестат зрелости. Одним из преподавателей геометрии таких курсов был Лобачевский. Ему было тогда 24—25 лет. Он был очень молод, и он объяснял престарелым чиновникам принципы евклидовой геометрии. И они никак не могли понять, откуда берется аксиома о непересекаемости двух параллельных линий.

Лобачевский долго бился над тем, чтобы дать подходящее объяснение, но убедился, что такого объяснения не существует. Он понял, что можно построить такую геометрию, при которой линии всегда пересекаются. Таким образом, он нашел новую область математики, которой, как вы знаете, суждено было сыграть фундаментальную роль в современной физике.

Могу привести еще пример, о котором мне рассказал известный физик Дебай. Дебай в то время был преподавателем, профессором в Цюрихе. У него был ученик, тоже преподаватель, Шредингер, тогда еще мало известный молодой ученый. Дебай познакомился с работой де Бройля, в которой де Бройль, выдвинувший, как вы знаете, гипотезу о существовании волновой структуры электрона, показал, что при известных условиях интерференции можно заменить движение электрона волновым движением. Идея эквивалентности волнового движения и квантовых процессов, волнового движения и корпускулярного движения была воспринята целым рядом физиков весьма отрицательно. Отрицательно отнесся к ней и Шредингер. Когда Дебай попросил его рассказать молодежи о работе де Бройля, Шредингер сначала отказался.

Потом, когда Дебай, пользуясь своим положением профессора, снова предложил ему это сделать, Шредингер согласился, и он начал искать, как можно было бы объяснить идеи де Бройля в наиболее полной и точной математической форме. И когда он рассказал о работах де Бройля в том представлении, какое он считал наиболее точным, Дебай ему сказал: «Послушайте, ведь вы же нашли новый замечательный вид уравнения, который является фундаментальным в современной физике». Таким образом, в результате педагогической деятельности было найдено и волновое уравнение — основное уравнение современной физики.

Приведу вам еще четвертый пример. Происходило это в Кембридже, во второй половине прошлого века. Теоретическую физику тогда преподавал Стокс. К нему пришел сдавать аспирантский экзамен один молодой человек. Аспирантский экзамен в те времена был довольно трудный, потому что аспиранту тогда было очень мало — всего две-три, и состоявшие за право попасть в аспирантуру было очень трудным. Стокс давал задачу, причем система была такая: давался десяток задач, и студент сам выбирал те, которые он хотел решить. Ему давалось определенное число часов, и Стокс, не стесняясь, ставил часто неразрешимые задачи, чтобы посмотреть, знает ли студент, что такая задача неразрешима. Он ставил, например, такую задачу (то были домаквелловские времена): найти распределение скоростей в газе. Тогда это распределение скоростей не было известно. Бернулли и все остальные считали, что скорости примерно равны.

Молодой человек, к удивлению Стокса, решил эту задачу, и решил правильно. Вы догадываетесь, что этот молодой человек был не кто иной, как Максвелл.

Таким образом, открытие закона распределения скоростей молекул в газе было сделано Максвеллом на экзамене.

Таких примеров можно было бы привести еще много, но мне кажется, что совершенно очевидно, что если учебная деятельность плодотворна в таких серьезных фундаментальных вопросах, то она, несомненно, плодотворна и в более простых вопросах, она часто оказывает плодотворное влияние на современную науку и на современных ученых. Поэтому высшие учебные заведения нужно рассматривать не только как заведение, в которых готовят молодых ученых, но и как место, где развиваются научные таланты и уже сформировавшиеся ученые. Учебные заведения должны быть так организованы, чтобы эта возможность была широко предоставлена преподавательскому персоналу.

У нас это не всегда признается. До сих пор, например, в университетах и в других высших учебных заведениях считается разумным, чтобы часть персонала занималась научной деятельностью, а часть персонала — педагогической. Как раз в высших учебных заведениях должна быть такая система, чтобы она основывалась на ученых, которые небольшую часть своего времени занимаются педагогической деятельностью. Только тогда учебное заведение будет выполнять все свои функции — учить студентов и учить преподавательский персонал.

Публикацию подготовил С. БЕЛЕВСКИЙ.

◆ ФОТОАРХИВ «МЕНДЕЛЕЕВЦА»

Позади предвыборная эпопея, память о ней сохраняют мемуары очевидцев и архивы фотокорреспондентов.

Эти снимки были сделаны нашим фотокорреспондентом А. МЕРЗЛЯКОВЫМ в Тушине в марте 1990 г. Это уже история.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

НАДЕЖДА
ИОФФЕ

Леонид Борисович Красина я впервые увидела в советском посольстве в Берлине в 1918 году. Я была единственным ребенком в посольстве, к тому же дочерью посла, и все были очень добры ко мне. Но я больше всех полюбила именно Л. Б. И не потому, что он уделял мне больше внимания, чем другие. У него, вероятно, и времени для этого не было. Просто это был человек, мимо которого никто не мог пройти равнодушно — ни старый, ни малый.

Природа явно не покусилась, создавая его. Он был талантливым политическим, общественным деятелем, талантливым инженером, показал себя блестящим дипломатом. Он обладал острым умом, красивой внешностью и чисто человеческим обаянием. Член партии с 1890 года, Л. Б. Красина сыграл большую роль в рево-

ПОМНЮ

люции 1905 года, был начальником боевой дружины. После крушения революции ему пришлось эмигрировать — грозила смертная казнь.

В период с 1907 г. по 1917 г. Красина работал как инженер и практически отошел от партийной деятельности. В некоторых биографических источниках этот период его жизни пропускается, смазывается, как что-то компрометирующее, снижающее образ революционера-большевика. (См. «Советский энциклопедический словарь», изд. 1981 г.). Я думаю, Л. Б. Красина в этом не нуждается. Он был достаточно яркой личностью, и писать о нем стоит в соответствии с жизненными фактами. А Л. Б. был прекрасным инженером, прекрасным специалистом в своей профессиональной области.

1917 год застал Красина в должности генерального директора крупнейшей электро-

технической фирмы «Сименс-Шуккерт». С самого начала революции он активно включился в работу.

В Германию Л. Б. был направлен Лениным, который рассчитывал на его личный авторитет в западных деловых кругах. Работа в посольстве была, насколько я помню, первой его партийной работой после большого перерыва. И, наверное, он еще чувствовал себя в какой-то степени, если можно так выразиться, инородным телом.

Я помню разговоры Л. Б. с моим отцом. Если ему что-то не нравилось, он возмущенно говорил: «Почему это у вас все не так делается!» Отец с мягкой улыбкой поправлял его: «У нас, Леонид Борисович, не у вас, а у нас». Красина: «А? Ну да, у нас». Через некоторое время опять: «Почему вы всегда делаете так, а не так». Отец: «Мы делаем, Л. Б., мы».

Красина (невольно смеясь): «Ну да, мы».

С отцом его связывала не только совместная работа, но и большая взаимная симпатия, теплые дружеские отношения. При всех конфликтах Адольфа Абрамовича с тогдашним наркомом иностранных дел Чичериным Красина всегда поддерживал отца, обращаясь иногда даже к Ленину.

Этим, очевидно, была вызвана телеграмма Ленина, адресованная персонально Красине (с грифом «секретно»). Ленин надеется, как он пишет, на такт Красина для внушения Иоффе необходимости считаться с наркомом и соблюдать должную субординацию.

Летом 1918 года Красина поехал в отпуск, к своей семье. Его жена и три дочери, примерно моего возраста, жили тогда в Швеции, в курортном городке Бостад. Он взял меня с собой, и я около месяца гостила в этой семье.

Он очень смеялся впоследствии, называя меня «развратительницей своих несчастных дочерей». Я учила их не верить

в бога и не слушаться маму. Действительно, это было в то время моим жизненным кредо. Не слушаться маму меня научил мой двенадцатилетний жизненный опыт, а верить в бога я перестала — он попросту разочаровал меня, ни разу не выполнил то, о чем я его просила.

После отъезда из Берлина условия работы раскидали моего отца и Л. Б. Красина в разные стороны, в разные страны. Но в Генуе они были вместе и, приезжая в Москву (если отец в это время был там), Л. Б. всегда заходил к нему. Он уже не говорил «вы» и «у вас», он, конечно, твердо знал — все что делается, и хорошее, и плохое, делается у нас, у него.

Красина умер сравнительно рано, в 1926 году, 56 лет от роду.

Может быть, судьба уберегла его от того, что ему несомненно предстояло, если бы он дожил до тридцатых годов.

Рукопись предоставлена редакцией Ю. Л. СУПОННИКИМ.

23 июля 1917 года.

Когда начинаешь соображать, что творится на Руси, и в тылу, и на фронте, охватывает тебя невообразимая тоска: что будет с Россией и со всеми нами? Тоска без просвета впереди. Похоже на то, что видишь сон, что будто сидишь в каком-то гигантском механизме, который несется в пространстве без руководителя (механика) и осознаешь, что вот-вот сейчас все в прах разлетится, и не можешь ты ничем помочь, ни высочиться. Не сон ли это? И вся наша пресловутая революция — может быть, нехороший сон!

28 июля.

Вот уже несколько дней, как новое правительство, но подбор такой, что все равно, пока будут во главе правительства Скобелевы, Черновы, Авксентьевы — дело не правимо.

В будущем, самое большое, как по 4 десятины земли на двор придется прирезать из помещичьей и прочих земель всем чающим себе земли. Так и выходит. Ведь нельзя трогать государственных и удельных лесов? Большое разочарование для многих, подающих свой голос за партию «Земля и воля». Не говоря, что такой разгул нанесет будущему хозяйству России непоправимый вред и на много лет. Понимают ли те, кто творит миссию-партий? Им это неважно; важно только пристроиться к государственному и общественному пирогу. Политиканство при страшной необразованности, зоологичности народных масс! Безотрадно.

28 июля.

Уже стали поговаривать о книжном голоде, о голоде по части учебников. Только теперь начинают сознавать, что у нас 50% невежественной, безграмотной массы! И это сознательные граждане! Стыдно!

Вопрос об Украине: сначала об ее автономии, потом о федерации чуть ли не с диктованием своих собственных условий Временному правительству, с требованием их принятия, а также отношение к этому вопросу самого Временного правительства — поставлены в невероятной плоскости; все это диктатура какой-то кучки; не спрашивая мнения народа, правительство идет на уступки; и при том делается это так самостийно небольшой бандой фанатиков, что приходится опять-таки говорить о большевистской программе и в этом вопросе — большевистской программе, затеянной кем-то свыше и идущей в выполняемой упомянутой кучкой фанатиков. Опять неспособность Временного правительства справиться с этой бандой, мутящей все и вся. В результате: «Паны не хотят нас учить на своем языке, а хотят учить нас на нашем», который не имеет никакой литературы...

ДНЕВНИК ПРОФЕССОРА

Из тетрадей выдающегося русского химика Е. И. ОРЛОВА

Удивительно стало: как кучка фанатиков может испортить все дело сближения и мирного сожительства двух ветвей одного и того же племени? Народ не скажет спасибо им: придется ему за все украинство вдвойне расплачиваться... За всем этим встает «некто серый»... из западного угла.

31 июля.

Завтра в Харькове предполагается рабочее выступление, демонстрация своих сил. Плохо стало! Если придется себя демонстрировать перед врагом — буржуями и мирными жителями, то не пахнет ли све слабостью и поражением? Не контрреволюция, не буржуи их разбили, а сами себя они: слишком зарвались — взбунтовались рабы капитала. Последний неуловим и всемогущ; даже государство гнет свою выю перед ним... так было, так и будет на наш век!

Самое лучшее, что сделали бы всякие революционные заправилы у государственного руля, если бы они признались, что одно: сделать брешь в старом строе и идти на штурм ее, другое: править страной без достаточной подготовки к этому. Всякое управление — это искание компромиссов. Раз не способен на это — уйди и не мешай другим найти равнодействующую сил... Честность признания своей неспособности — будет лучшей заслугой партии и ее заправил.

3 августа.

Надвигается страшная экономическая разруха, какую трудно даже себе представить... Голод и холод, безработица, нищета и грабежи! Правительство, составленное из целого ряда левых министров, пользующихся доверием всяких депутатов: и рабочих, и крестьянских, и служащих; но увы! Ни один из них не обладает государственным умом. Самое большое — краснобая, агитаторы и партийные деятели. Но того, что называется государственным умом — нет! События увлекают их, управляют ими; они барахтаются в надвигающейся лавине бед и несчастий, делают вид, что делают, но это только видимость. Старое преступное (по новой терминологии) правительство — всегда почитало «угодику», который не распал страну; новое правительство не пожелало считаться с ним, и вот теперь подхвачено лавиной несущихся событий; все погибнет...

29 августа.

Все совершающееся в мире неотвратно и неизбежно. Поехала дочь Вера в Кострому навещать сестру, не хотела

ехать, но поехала, теперь получена телеграмма: опасно заболела тифом. Все, что произошло, случилось неотвратно, неизбежно... Но жалко дочь... Так и с Россией и ее пресловутой демократией, с Керенским и Корниловым: все происходит неотвратно и неизбежно... Так же неизбежно летим мы в пропасть... Русский народ, не приспособленный к самостоятельности, все переносит пассивно; и царизм, и самодержавие, и Керенского, и Корнилова, и всякого другого...

Не так ли, «по сеньке и шапка?»

31 августа.

Кажется, попытка Корнилова кончилась неудачей. Теперь начнется слежка за контрреволюцией, точь-в-точь как при старом режиме; там правые играли роль добровольных доносчиков, теперь левые открыто берут на себя ту же роль. Все повторяется в сем мире... Всюду ищут контрреволюцию и улюлюкают вдогонку всякому инуюкомыслящему... История с Корниловым наруку левым: теперь требуют выпуска на волю арестованных большевиков и анархистов. Манифест по случаю победы над врагом — контрреволюцией.

9 сентября—13 сентября.

Получил телеграмму об опасном (безнадежном) положении дочери Веры. Поехал в Кострому и не застал ее в живых. Страшное горе: для чего все это свершилось? Какой-то рок! Напрасно вопрошать судьбу: ответ — молчанье! Еще большую пустоту после случившегося я стал чувствовать в жизни. Именно *taedium vitae* не от пресыщения, а от отвращения к ней.

«Господи! Скорее бы конец приходил!»

28 сентября

Крепнет погромное настроение, раздуваемое темными элементами. Искать защиты от погромщиков у власти бесполезно, ибо нет самой власти; в погромах принимают участие солдаты с темными личностями; цель погромов прежде всего грабежи... потом начнутся убийства... Находимся в состоянии анархии и гражданской войны... Что и требовалось доказать!... Что ни день, то новые вести из разных местностей о новой анархии и бесилии разных комиссаров. Разруха идет все дальше, все шире: это углубление революции. Потом надо ожидать нового распада государства. А заправили все говорят, все льются потоки речей. Не могут наговориться... Отвратительное зрелище! Создали новую говорильню — предпарламенты. Негодяи!

Поражает полная бездарность всех революционных заправил, поразительная бездарность. Еще упрекали в том царских министров, теперь пусть посмотрят на самих себя...

Керенский — негодяй-провокатор; от истерической личности только жди этого (провокаций). Негодяй все погубит.

Finis. Больше писать не стоит: Россия сама лезет в пасть Вельзевула. Такова, видно, ее участь! Страна политических бездарностей, способная быть управляемой товарищами-негодьями, которые надели на нее, как саранча. Чего только стоит товарищ Керенский, авантюрист и провокатор? Удивительное время психоза народных масс, не рассуждающих и поддающихся одним только впечатлениям от даваемых левыми партиями широкообещательных обещаний. Еще не скоро выйдет народ из этого психоза. Перестал интересоваться газетами — не стоит читать — что будет, то будет. Каждый народ достоин своего правительства...

В обществе стали раздаваться голоса, что Корнилов, объявленный Керенским и Некрасовым изменником, не изменник, а герой, трезво смотрящий на дело спасения родины; что он — жертва провокации со стороны Керенского. Но поздно. Корнилов сидит, сидит крепко.

26 октября.

Совершилось! Пресловутое Временное правительство низвергнуто: негодяй Керенский сбежал. Воцарился его величество российский пролетариат и его министр В. Ленин. Да здравствует углубление революции, смерть буржуям! Таков боевой девиз нового правительства. Долго ли оно продержится — вопрос. Надо будет как можно быстрее приступить к делу воцарения нового строя; прежде всего пусть буржуи поделаются тем, что они имеют излишнего. А затем перерезать их... Наступит от этого всеобщее благоденствие. Петроград, а особенно Москва пережили все прелести большевистского воцарения. Будут памятные дни их вступления во власть... Мне кажется, что сбежавший товарищ Керенский в данном случае Временному правительству, возглавляемому им самим, устроил провокаторское крушение (засаду): буржуи-министры пусть посидят в Петропавловской крепости, а социалисты уже выпущены. Еще Керенский может помириться с большевиками, так как он сам в душе такой большевик; все время обманывающий всех и вся. Гибель России и крушение всех богов!

Finis.

Все — республики: Украинская республика, Донская, Крымская, Сибирь и т. д. Разлезаемся по швам, самостийно. Большевики приступили к конфискации золотого запаса: это самое существенное; присвоить это, а там хоть трава не расти! Все сведется к расхищению и воровству... Что-то будет дальше?

В самой организации республик Украинской, Донской, Сибири и др. мелькает или начинает мелькать здоровая идея — идея спасения если не всей в совокупности России, то по крайней мере отдельных ее частей. Украинцы и донские казаки, а за ними другие — не хотят признавать большевизма, хотят выступить и действовать самостоятельно, опираясь на националистические местные стремления к самостоятельности, не хотят идти на поводу большевиков; строй внутренней жизни и хозяйственного уклада у них несколько иной, чем у великороссов, а потому, с отделением их в своих интересах от последних может открыться идея спасения России, хотя бы отдельных ее частей, и тогда не все погибнет и не падет под власть немца.

С этой точки зрения надо приветствовать провозглашение украинской, донской, и прочих республик. Вопрос только о финансовой и железнодорожной федерации с другими частями. Словом, мелькает здоровая идея спасения отдельных частей России от немецкого и австрийского ига.

Ноябрь

Большевистское правительство заключает мир (или перемирие). Тяжело на душе. В том, что творится, чувствуется нечто столь позорное, о чем даже и думать не хочется. Вся русская история ушла в прошлое, да и вся Россия уже в прошлом. Теперь будут отдельные республики, начинается новая эпоха. Все прежнее прошло безвозвратно: и культура, и наука, и самостоятельность. Остался один навоз, от которого воняет на весь свет... И только... пока.

Междоусобная брань в самом разгаре. Большевики воюют с Доном, воюют с Украиной, льются кровью. Хулиганствуют над офицерами, срывая с них погоны. Стыдно, страшно, стыдно за русский народ.

Идут расстрелы всех инуюкомыслящих, открыто заявляющих протест против хулиганствующих красногвардейцев, матросов и солдатской сволочи. Солдаты сплошь превратились в спекулирующих грабителей-негодяев. Никто не хочет жить так, как ему следует, всякий хочет сорвать с другого, нажиться на другом. Армия сплошь из одних негодяев... и это под флагом революции!

(Окончание следует)

★ КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ «ОРФЕЙ»

ПОД СВОДАМИ МЕНДЕЛЕЕВКИ

На снимках: концерт камерной музыки в МХТИ.

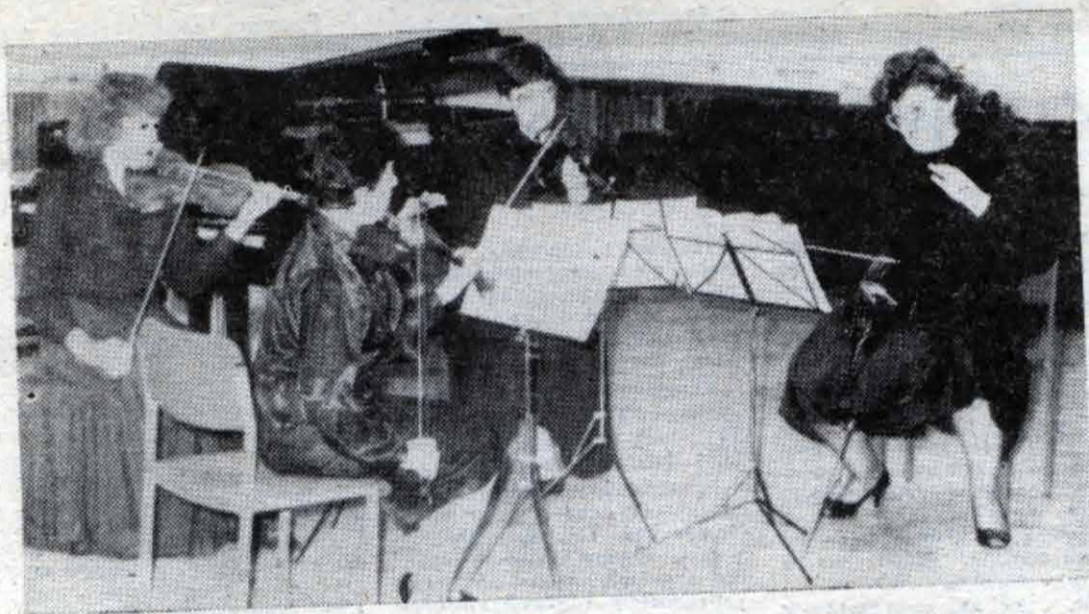
ИСПОЛНИТЕЛИ:

— Лауреат международных конкурсов Московский квартет: Евгения АЛИХАНОВА, скрипка;

Валентина АЛЫКОВА, скрипка;
Татьяна КОХАЙНОВСКАЯ, альт;
Ольга ОГАНОВИЧ, виолончель.

— Лауреат международного конкурса Тигран АЛИХАНОВ, фортепиано.

Фото А. МЕРЗЛЯКОВА.

В прошлом семестре я как-то заметил на дверях БАЗа афишу с приглашением клуба любителей музыки «Орфей» на моцартовский концерт в малом актовом зале. «Моцарт — это хорошо, — подумал я. — Но вот исполнение... Если, скажем, будет дилетантство, то «кликбез» мне не нужен. А кто, собственно, из профессионалов пожалует в наш технический вуз? Нет, лучше не пойду. Вторник — день свободный, чего зря мотаться...»

Прошло время, закончилась сессия, каникулы, об афише и концерте я и думать забыл. Но в марте на дверях БАЗа я снова увидел афишу клуба «Орфей». Если бы не бросилась в глаза фамилия известного пианиста Тиграна Алиханова, исполнение которого мне довелось слышать в одном из концертных залов, я вряд ли дочитал бы афишу до конца. На этот концерт я решил пойти: не каждый же день к нам приезжают лауреаты!

В МАЗе сидело человек двадцать. В основном, сотрудники института с детьми. Концерт прошел по всем правилам абонемента: со вступительным словом и практически без антрактов. Последнее руководителем «Орфея» В. А. Луценко мотивировал тем, что, если все разойдётся, то ко второму отделению никого не останется. Шутка, конечно, но в данном случае, на мой взгляд, не совсем уместная. За время концерта народу (сотрудников) даже немного прибавилось.

В программе прозвучали малоизвестные фортепианный квинтет и квартеты Шуберта, Шумана и Чайковского. Испол-

нение меня просто восхитило, несмотря на присущие мне скептицизм и придирчивость, особенно в области музыки. Слово «лауреат» (а Т. Алиханов и Московский квартет удостоены этого звания на международных конкурсах) для меня не так уж много значит, хотя и привлекает. Всегда нужно самому оценить мастерство исполнителя. Но все было настолько замечательно, что я ощутил себя почти как в консерватории: и старейший зал с полукруглыми окнами, и классическая музыка, и захватывающее исполнение... (Акустика, правда, не совсем приспособлена для подобных мероприятий, да и рояль грубоват, но это уже не от «Орфея» зависит).

Взгляд мой скользнул по программе, случайно задержавшись на короткой строчке в скобках: «4-й концерт цикла». Меня словно током ударило. Надо же такому случиться! Мало того, что на моцартовский концерт поленился пойти, а исполнение, наверное, было не хуже этого, так, оказывается, и еще два пропустил!

Как глупо упускать то, что само в руки просится. И при этом почти ни одного студента в зале! Конечно, ходили бы через день в консерваторию или в музыкальный музей имени Глинки (который рядом с институтом) — тогда понятно. Но у нас почти никто никуда не ходит, и не только из-за трудностей с билетами, просто все инертно. Так неужели же мы такие равнодушно бескультурные, что не можем раз в месяц посвятить себя классике?

Игорь ВОЛОВИК.

★ «МЕНДЕЛЕЕВЦ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Григорий Семенович ОСТРОВСКИЙ — один из крупнейших искусствоведов нашей страны. Автор 684 печатных работ (из них 41-й книги), каждую публикацию он готовит собственной рукой, в том числе и статью, написанную специально для «Менделеевца», в отличие от многих известных мне «крупных ученых», которые только руководят написанием собственных книг.

Познания Григория Семеновича Островского в области искусств феноменальны, но я приведу лишь пример, наиболее меня поразивший.

Одним из первых занявшись «русскими примитивами», он взял предметом исследования народную художественную культуру дореволюционного русского города (XVIII — XX вв.), определив ее так: «Это не «ученое», не профессиональное искусство, создаваемое художниками, имеющими обычно специальное образование... И это не народное искусство в его традиционной форме, то есть не крестьянское, бывшее плодом коллективного художественного опыта, составной частью бытового и трудового уклада». Этот слог культуры обслуживал духовные, эстетические и практические потребности огромных пластов городского демоса.

Влияние городской, «низовой», как ее иногда называют, культуры на современное искусство не просто велико, в нем один из корней художественной культуры XX века (вспомните художников русского авангарда). Но очевидные сегодня понятия и связи были вовсе неочевидны каких-нибудь двадцать лет назад, и стали таковыми во многом трудами Островского.

Как показать вам гигантский труд по «накоплению материала исследования», предшествующий и служащий основой умозаключениям и выводам?

Живописная вывеска, например, почти не сохранилась в музеях как предмет искусства, и исследователь берется реконструировать ее по описаниям, попавшим в «большую литературу». Он штудирует Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Куприна, Бунина. Но поняв, что «избранное» никак не гарантирует успеха, принимается читать «все подряд, от корки до корки, том за томом». Или представьте себе, что означает реально обследование музейных фондов «уездной России» от Пскова до Енисейска, от Красноярска до Краснодар? Бесконечные разбитые дороги, очереди за билетами, старые автобусы, «районные» гостиницы и тысячи картин, которые нужно перебрать руками, вынуть и посмотреть на свету в тесных хранилищах, пыльных и полутемных углубках...

Или десяток тысяч фотографий, просмотренных на предмет классификации живописных «задников», широко когда-то распространенных в провинции, и введенных искусствоведом в орбиту исследования «примитива»...

Я увлекся несколько, называю не открытия, принадлежащие в искусствоведении Островскому, не самое главное, может быть, созданное им, но говорю о том, что поразило мое воображение, о тех колоссальных затратах труда, физического труда, которые растрачены в умственной, как бы легкой искусствоведческой работе.

Для понимания явления «примитива» работы Г. С. Островского дали мне очень много. С его помощью ясное осознал то, что чувствовал смутно: «примитив» — словами одной из статей Островского — воплощение народной, «пусть несбыточной, но потому особенно желанной», мечты «о торжестве добра, любви и красоты».

А. ГРЕФ.

ПОХВАЛА НЕНУЖНЫМ ВЕЩАМ

Соседи переезжали на новую квартиру, и во дворе скопилось большая куча выброшенного хлама. В ней я углядел странную чужиную штуку: большой жук (или таракан) с длинными, загнутыми кверху усам. Таракана (или жука) подобрал и, поскольку он был по-своему красив и изящен, с удовольствием поставил у себя на полке. Долго не догадывался, зачем сделал это, а потом мне объяснили, что это когда-то распространенное приспособление для снятия сапог — чтобы не нагибаться. Человек я городской, можно сказать, «асфальтный», к тому же сугубо штатский, сапог не ношу, но и сама вещь, и новоприобретенные знания о ней порадовали. Возникло какое-то ощущение незримой иточки, протянувшейся к тем неведомым мне людям, которые приходили с улицы и в сенях или на крыльце с помощью вот такого «таракана» скидывали с ног высокие сапоги. Неожиданно для себя наткнулся на высказывание К. Маркса: «Я могу относиться к вещи по-человечески, если вещь относится по-человечески ко мне», и эта мысль мне понравилась.

Потом я нашел — снова кто-то выбросил — черную бумажную «тарелку», радиорепродуктор времен моего военного детства: не забыть, как замирали перед ней, когда звучали сводки Совинформбюро. А еще мне подарили ножницы для снятия нагара со свечей, обтянутый потертым плюшем альбом, в который гимназистка конца минувшего века переписывала стихи Надсона и Апухтина, фотографии бородастого купца из Ирбита, запечатленного с супругой на фоне ярмарочных панно-задников — то экзотических пальм и кипарисов, то малороссийского пейзажа с заснеженной хаткой и кудрявым дымком над ней. И фотографию провинциальной труппы, сде-

ланную в память триумфальных гастролей в Ельце в сезон 1908 года.

Кто-то принес роскошную гипсовую кошку-копилку — розовую с зеленым бантом. А вот памятные с давних времен клеенчатые коврики с романтическими замками, оленями, златокудыми красавицами и лебедями на пруду так и не попадались. Вернее, встречались новодель, но вот те, исполненные яркой, торжественной красочности, очаровательной непосредственности и наивной веры в существование рая на земле, видимо, истреблены на корню.

Можно сказать, что все это хлам, не заслуживающий внимания в нашу, как любят повторять, судьбоносную эпоху. Но ведь придет когда-нибудь время, и всего будет вдвойне — и саями, и колготок, и «видиков», у всех и каждого — отдельные квартиры, а заводы и фабрики (автоматизированные, с робототехникой!) в немыслимо огромных количествах обеспечат нас прекрасной мебелью из стружек и опилок, посудой и всем необходимым. Жить станет лучше и веселее. Ну, а в друг посреди этого стандартного, тиражированного избытия кто-то почувствует себя немного уютно, холодком повеет и кошка заскрежет на душе? С чего бы так? Если есть прекрасное настоящее и грядет еще более светлое будущее, то надо ли тосковать по темному прошлому?..

Жалеть, может, и не стоит, но если растут, оборвутся связи, скрепляющие «сегодня» и «вчера», не ожесточится ли душа, не притупится ли чувства и не станем мы, быть может, разумнее, но и беднее, отчужденнее, расчётливее?..

Осознав это, в какой-то момент — в самый что ни есть пик научно-технического прогресса — затоскуем не по продукции хитроумных машин с

программным управлением, а по полузабытым творениям ремесла, навечно хранящим тепло рук человеческих. Может, это будет кувшин деревенского гончара, украшенный простеньким орнаментом, или многоцветный половничок из ярких лоскутов, или старинный кованный светец, птичка-свистулька, затейливый бумажный фонарик? И тогда с удивлением ощутим и поймем, что это не просто кувшин, половик или свистулька, а прекрасный мир народного творчества, в котором ремесло неотделимо от искусства, а искусство от жизни.

В школе мы прочно усвоили, что за средневековым ремеслом идет крупная частная собственность на средства производства, а на смену ей плановое и, разумеется, процветающее социалистическое хозяйство. Сейчас выясняется, что раньше времени уничтожили не только ту самую собственность, но и ремесло, бывшее на протяжении веков основой основ бытия народа — его жизни, труда, искусства, нравственности. Наверное, не так уж безнадежно глупы политики и бизнесмены ФРГ или Японии, всемерно поддерживающие традиционные ремесла — начиная с детского сада и до союществ пенсионеров.

Вернемся, однако, к жуку-таракану, голосистым свистулькам, старинным фотографиям и прочим ненужным вещам. Не выбрасывайте их, а если мешают, подарите соседу: жизнь его станет чуть-чуть интереснее и теплее. Михаил Светлов говорил друзьям, что вполне мог бы обойтись без необходимого, но не проживет без «лишнего». В этом что-то есть.

Г. ОСТРОВСКИЙ.

Редактор — В. Н. КУДРЯВЦЕВ.